

А.Г. Юркевич

Эпоха Мао Цзэдуна: опыт популярной политико-социологической анатомии

К публикации русского перевода монографии Э. Уолдера «Китай при Мао. Революция, пущенная под откос»¹.

Аннотация. В статье оценивается место русского перевода монографии американского социолога, вышедшей в 2017 г., в ряду изданных в России близких по тематике книг, сочетающих научность с популярной подачей материала. Отмечается, что соображения Э. Уолдера по поводу мотивов, которыми руководствовался Мао Цзэдун после 1949 г. в политической практике, а также относительно ее социально-экономических последствий, не только подкрепляются фактологической базой, доступной российской аудитории благодаря отечественным исследователям, но и уточняют и дополняют сделанные ими заключения. Вывод автора монографии о том, что Мао пытался реализовать раннесталинские постулаты об организации партии и общества, опираясь на мобилизационный опыт военного времени, признается в целом убедительным, хотя и несколько упрощенным, не учитывающим идеологические нюансы, а также то обстоятельство, что концепты, разработанные Мао Цзэдуном, обуславливались конкретной политической ситуацией, адаптировались к стереотипам массового сознания и откликались на реально существующие в китайском обществе настроения. По мнению автора, предложенная Э. Уолдером схема будет полезна молодому поколению российских китаеведов для уяснения общей логики политических и социальных процессов, протекавших в Китае в 1949—1976 гг., но для получения объемной картины исторического процесса она должна быть дополнена результатами изучения китайской культурной, политической и социальной специфики применительно к конкретным историческим периодам.

Ключевые слова: Китай, Мао Цзэдун, маоизм, политика КПК в 1949—1976 гг., китайское общество в 1950—1970-х годах, «большой скачок», «культурная революция».

Автор: Юркевич Александр Геннадьевич — канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: urkevich_a@rambler.ru

¹ Уолдер Эндрю. Китай при Мао. Революция, пущенная под откос / Эндрю Уолдер; [пер. с англ. К. Батыгина]. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 573 с. (Серия «Современное востоковедение» = «Contemporary Eastern Studies»).

Alexander G. Yurkevich

The Era of Mao Zedong: an Experiment in Political and Sociological Anatomy

On the publication of the Russian translation of Andrew Walder's "China under Mao. A Revolution Derailed" / Andrew Walder

Abstract. The review places the Russian translation of the American sociologist's monograph published in 2017 amongst the books published in Russia that are devoted to a similar subject and combine the academic knowledge with popular presentation of the material. The article notes that E. Walder's considerations about the motives that guided Mao Zedong's policies after 1949, as well as about the socioeconomic consequences of these policies, are not only supported by the factual base available to the Russian audience thanks to its own researchers, but also clarify and supplement the conclusions they made. Walder's idea that Mao tried to implement the early Stalinist postulates about the organization of the party and society based on the mobilization experience of the wartime is generally convincing, although somewhat simplified. It does not take into account certain ideological nuances, as well as the fact that the concepts developed by Mao Zedong were based on a specific political situation. They adapted to the stereotypes of mass consciousness and responded to the sentiments that really existed in Chinese society. According to the reviewer, the scheme proposed by E. Walder is useful for the younger generation of Russian Sinologists in providing the interpretation of the general logic of political and social processes that took place in China in 1949—1976. Nonetheless, in order to obtain a comprehensive picture of the historical processes, it should be supplemented by other works on Chinese cultural, political and social specifics in relation to this specific historical period.

Keywords: China, Mao Zedong, Maoism, CPC policy in 1949—1976, 1950s China, 1970s China, the Great Leap Forward, the Cultural Revolution.

Author: Yurkevich Alexander G. — Candidate of Historical Sciences, Leading researcher at the Center for the Modern History of China and its Relations with Russia, ICAS RAS. E-mail: urkevich_a@rambler.ru

Опубликованный перевод становится фактом той культуры, на язык которой переложен оригинальный текст. Задача данной статьи — оценить значимость достаточно удачно транслированной К. Батыгиным книги американского социолога Эндрю Уолдера в пространстве российской культуры. Главным образом в ее академическом сегменте, в том числе с точки зрения нужд подготовки будущих китайстов, а также популяризации китаеведения. Сектора своей целевой аудитории очертил сам автор монографии, объявивший о намерении «одновременно заинтересовать... коллег-ученых и студентов и предложить текст, доступный и понятный любому читателю» (с. 9).

Такая адресация обусловила, с одной стороны, стиль научно-популярного (или вспомогательного учебного) издания, с другой — стремление опереть аргументацию на репрезентативные источники. По понятным причинам в библиографии доминируют англоязычные научные труды, но есть и первоисточники, в том числе на китайском языке — региональные справочники, работы Мао Цзэдуна, 14-томные материалы по организационной истории КПК, известная трехтомная «История КНР» Шэнь Чжихуа (2008), мемуары. Сравнительно незначительная доля китайских публикаций говорит о том, что автор прежде всего ори-

ентирован на англоязычного студента. Из наших соотечественников в списке литературы отмечился только А.В. Панцов — благодаря вышедшей на английском языке монографии 2012 г.¹.

О нацеленности книги Э. Уолдера на учащихся говорит и манера дублировать с вариациями уже, казалось бы, разложенную по полочкам информацию. Если в собственно научной монографии издательские редакторы безжалостно изничтожают любые намеки на повторы, то здесь автор смело демонстрирует расчетливое педагогическое занудство. Он усиливает доходчивость своих принципиальных положений, сначала контурно намечая их в предисловии и вводной главе, затем по отдельности вставляя во введения к соответствующим главам, а после растолковывая и иллюстрируя фактическим материалом применительно к конкретным историческим ситуациям, чтобы в итоге тезисно изложить в заключительной главе.

Свою работу Э. Уолдер называет «выборочным нарративом социолога, глубоко заинтересованного в изучении политики и экономики, в особенности — основ политической власти, социалистической модели развития, социального неравенства, политических конфликтов и народного протеста» (с. 11). Начав предисловие с упоминания «драматичных и страшных событий», отметивших первые 25 лет КНР, автор называет главные факторы, обусловившие такой ход вещей. Во-первых, это господство двуединого «центрального элемента нового революционного государства» — аппарата компартии, обеспечивающего контроль за кадрами, вкупе с заимствованной у СССР социалистической моделью экономики (с. 7) — здесь он видит истоки и вскользь признанных «поразительных достижений», и «чудовищных последствий, которых никто не предполагал и не хотел» (с. 8). Во-вторых, ответственность за несчастья Китая возлагается, наряду с новым «общенациональным бюрократическим аппаратом», на созданные в 1950-е годы прежде небывалые социальные структуры, через которые предначертания партии «доходили до низов в самом неожиданном виде» (с. 9).

Последующее изложение раскрывает эти посылки в 14 главах. Называя свою работу «хроникой» (с. 11), автор соблюдает хронологию не вполне последовательно: некоторые главы построены на комбинации проблемно-хронологического и проблемного принципов подачи материала, к тому же автор постоянно совершает экскурсы в прошлое или будущее относительно того периода, о котором главным образом идет речь в соответствующем разделе.

Гл. 1 («Прощание», с. 12—31), играющая роль введения, начинается с сообщения о церемонии похорон Мао Цзэдуна и аресте «банды четырех» — леворадикальной группы руководителей партии и государства во главе с женой Мао Цзэдуна Цзян Цин. После этого автор возвращается к концу 1940-х и дает обзор основных событий, пережитых Китаем в 1949—1976 гг., их характера и последствий, а также кратко аннотирует содержание каждой из глав.

Притом что автор в первую очередь стремится обосновать объективность выявленных им политических и социальных закономерностей, в центр своего нар-

¹ Pantsov Alexander V. with Levine Steven I. Mao: the Real Story. New York; London; Toronto; Sydney; New Delhi: Simon & Schuster Paperbacks, 2012. 775 p.

ратива он намеренно ставит фигуру Мао Цзэдуна, за субъективными устремлениями которого и пытается эти закономерности рассмотреть.

Мао для него — подлинный «главарь банды четырех». Вместе с тем автор признает, что начало эпохи правления КПК под руководством Мао Цзэдуна ознаменовалось выдающимся достижением — впервые за сто лет можно было говорить о создании китайского государства, способного контролировать свою территорию; оно же стало первым современным национальным государством китайского народа (с. 14). Подчеркивается, что последнее появилось не в результате победы КПК над внешней силой, а в итоге военных действий между двумя китайскими партиями, претендовавшими на революционность — Гоминьданом и КПК. Это обстоятельство во многом определило характер организации и деятельности новой правящей партии. В 1949 г. эпоха потрясений для Китая не завершилась — это было не окончание революции, а ее начало (с. 17). После драматических реформ государства, общества и экономики последовал «большой скачок» 1958—1960 гг. — революционная мобилизация населения на рекордный труд, приведшая к хозяйственной и демографической катастрофе. В 1966 г. была развязана «культурная революция», мобилизовавшая молодежь на борьбу с партийными функционерами. Она привела к развалу управленческих структур и фракционной борьбе среди «повстанцев», в которую вмешались военные. После 1968 г. инициаторы «культурной революции» направили массовый энтузиазм на борьбу с «классом врагов», чтобы восстановить пошатнувшийся авторитет правительства ценой массовых жертв (с. 18). Бойня была остановлена лишь после «таинственной» смерти второго лица в партии и министра обороны Линь Бяо, который в сентябре 1971 г. пытался бежать из страны и погиб в авиакатастрофе. Начался постепенный вывод военных из органов власти и накал репрессий снизился.

При всех изменениях результаты нововведений неизменно были непредвиденно печальными для инициаторов. Неопределенность в политике и экономике, царившую до смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., сменили «неожиданные пути», избравшиеся Китаем в течение последующих 30 с лишним лет (с. 19).

Следующие пять глав посвящены предпосылкам событий, развернувшихся после создания КНР. Гл. 2 («От движения к режиму», с. 32—69) начинается с параграфа, в котором рассматриваются объяснения причин победы коммунистов в Китае. Затем в двух параграфах освещаются последствия японского вторжения в 1930-е годы соответственно для армии и политической ситуации, в следующем показаны источники партийной дисциплины в КПК, и далее идут три параграфа, показывающие содержание этапов развития страны до 1949 г. Заключительный параграф, как и в большинстве других глав, носит резюмирующий характер. По словам Э. Уолдера, глава представляет собой хронику истории пути КПК к власти (минус мифология партизанской борьбы и антияпонского сопротивления), включающую становление коммунистической идеологии сталинского типа, концепций классовой борьбы при социализме, а также всеобщего вооружения народа как основы военной доктрины («массовая мобилизация гражданского населения») (с. 20—21). Автор определяет одну из главных компетенций партийного аппарата, развивавшуюся в тот период, как «мастерство обеспечения драконовских требований к лояльности и конформизму» (с. 21).

Главы 3 («Революция в деревнях», с. 70—101) и 4 («Революция в городах», с. 102—131) посвящены реформам начала 1950-х. На селе революционные преобразования прослеживаются как путь от преобладания арендных отношений к множеству независимых мелких землевладельцев, которых сначала заставили кооперироваться, а потом отобрали у них землю. В городах изменения проявляли себя в обобществлении предприятий, введении регистрации населения, борьбе с преступностью — и одновременно с неравенством и незащищенностью (от тех опасностей, которые исходили от прежнего устройства жизни). В ходе массовых кампаний, сопровождавшихся репрессиями, полностью разрушались институты не только старого государства, но и общества — прежде всего те, что прежде обеспечивали статус привилегированных групп как посредников между социумом и бюрократией. На смену кланам, торгово-ремесленным корпорациям-ханам, институту шэньши — образованному слою глубинки, интегрированным в местное общество криминальным союзам-банам и прочим структурам старого мира приходили, помимо профсоюзных, женских, молодежных и других организаций Единого фронта, встроенные в иерархические структуры уличные, домовые, производственные и прочие комитеты и ячейки, становившиеся инструментом контроля за поведением граждан, формировавшие нижние ступени администрации либо дополнявшие их. Гл. 5 («Социалистическая экономика», с. 132—159) сосредоточена на процессе внедрения китайской компартией «своей версии государственной социалистической машины роста» (с. 23), а гл. 6 («Эволюция партийной системы», с. 160—192) — на расширении влияния КПК на узловое государственные структуры, контролировавшиеся, помимо низовых партийных организаций, также подразделениями соответствующего профиля — отделами, секторами и бюро — в парткомах разного уровня. Показано, как членство в КПК становилось источником привилегий, а из партии формировалась «площадка для личного продвижения и структуры покровительства» (там же). Впоследствии Мао Цзэдун увидел в этом явлении «возвращение к капитализму», не признав в нем неизбежное следствие эволюции бюрократической иерархии, «получившей монопольный контроль над собственностью и карьерными возможностями» (с. 24).

Если перечисленные главы, за исключением первой, построены преимущественно по проблемно-хронологическому принципу, то последующие (кроме заключительной) тяготеют к собственно хронологическому: связи политических решений и социально-экономических процессов рассматриваются внутри отдельных периодов. В гл. 7 («К оттепели и обратно», с. 193—235) показана острая реакция Мао Цзэдуна на хрущевские новации, прежде всего на критику Сталина и политику мирного сосуществования, а также освещена кратковременная попытка Мао обогнать Хрущева в либерализации — курс «Пусть расцветают сто цветов» в 1956 г., приведший к лавине жалоб, митингов, забастовок, появлению эпатажно-либеральных журналов, клубов и т. п. КПК, не справляясь с этой волной, резко включила задний ход, инициировав репрессивное движение против «правого уклона». Гл. 8 («Большой скачок», с. 236—278) демонстрирует политическую «механику» и результаты движения за массовую индустриализацию 1958—1960 гг., которое, наряду со строительством большого числа новых предприятий, привело к дезорганизации экономики, дутым отчетам, невероятному

расточению ресурсов и голоду в обширных районах. Политическим маркером кризиса стало известное критическое письмо министра обороны Пэн Дэхуая, отклик Мао Цзэдуна на которое продемонстрировал его «болезненную мстительность» (с. 25) и вылился во второй раунд борьбы с «правым уклоном». Гл. 9 («На пути к “культурной революции”», с. 279—307) посвящена логике развития политических событий после «скачка»: экономический и социальный кризис Мао разрешал, позволяя устранить его последствия другим людям, но не давая в обиду себя — «прямолинейная критика» (с. 26) со стороны Председателя КНР Лю Шаоци стоила тому очень дорого. Внутренняя политика Хрущева, нацеленная на развитие высшего образования, мирное экономическое развитие и повышение уровня жизни, объявлялась беспринципной уступкой капитализму.

Э. Уолдер признает, что вероятные опасения Мао по поводу того, что преемники когда-нибудь откажутся и от почитания его самого, и от его сверхценных идей, не были в тот период результатом паранойи, но (спасибо Н.С. Хрущеву) основывались на учете конкретной ситуации (с. 27). Гл. 10 («Надломленное восстание», с. 308—354) рисует картину развернутой в 1966 г. «великой пролетарской культурной революции», поднявшей старшеклассников и студентов (хунвейбинов) против «буржуазных элементов». Однако сопротивление разбуженного джинна контролю сверху привело к разочарованию Мао в учащейся молодежи, в результате чего было принято решение о подключении к движению промышленных работников (цзаофаней) — последствия этого рассматриваются в гл. 11 («Коллапс и разлад», с. 355—400). На фоне выхода из-под контроля охваченных смутой городов январские 1967 г. события в Шанхае — переворот леваков, разгромивших при поддержке армии шанхайский горком и создавших «Шанхайскую коммуну» — казалось, сулили Центру новые формы управления ситуацией. Но военные стали вовлекаться в конфликты между группировками хунвейбинов и цзаофаней, страна близилась к гражданской войне.

Хроника действий армии, политические и социальные процессы 1967—1971 гг. представлены в гл. 12 («Власть в руках военных», с.401—433). Там описана деятельность «ревкомов», заменивших прежние органы власти, кровавые технологии «зачистки классовых рядов» военно-следственными группами, «перевоспитания» физическим трудом и развитие культа Мао Цзэдуна, вплоть до создания системы обрядности («танцы верности», поклонение алтарям с портретами и т. п.). Гл. 13 («Раздор и разногласия», с. 434—473) описывает развитие событий после инцидента с Линь Бяо. Постепенно из ревкомов выводились военные, засильем которых теперь был недоволен Мао Цзэдун, развертывалась кампания критики («порицания») Линь Бяо, но при этом и шли процессы восстановления парторганизаций, системы высшего образования, реанимации экономики, возвращения кадровых функционеров в органы управления (в том числе опального Дэн Сяопина на пост зампреьера), свертывание наиболее одиозных элементов культа личности. «Отступление от идеалов» вызвало недовольство леваков («вторая культурная революция» 1974 г., проявившая себя в разгуле левой фазы, — в давлении «повстанцев» на власть в Ханчжоу и других местах); в начале 1976 г. повторно был отправлен в отставку Дэн Сяопин. Кончина Чжоу

Эньлая и Мао Цзэдуна в том же году поставили точку в истории целой эпохи, а арест «банды четырех» стал прологом к началу новой.

Завершающая гл. 14 («Оглядываясь на эпоху Мао», с. 474—515) играет роль заключения, подводя итоги правления «Великого кормчего» и резюмируя содержание книги в шести параграфах. Основных созидательных достижений вождя автор насчитывает два: несомненное — образование единого китайского государства и более чем спорное — внедрение советской модели социалистической экономики. Из негативных итогов — разобщенная парторганизация, администрация, которой предстояло оправиться после десятилетия атак на чиновников, прекращение реальной индустриализации страны, плачевное состояние высшего образования, отсталость в науке и технологиях, стагнация и ухудшение жизни в городах, всеобщая бедность на селе.

Заглавия параграфов последней главы фиксируют пункты, по которым эти итоги подведены. Первый из них — «Нежелательные результаты, нереализованные амбиции» (с. 474—480). То и другое преследовало Мао Цзэдуна с середины 1950-х. Кампания «ста цветов» в русле постсталинской либерализации выявила массовое недовольство рабочих, устраивавших забастовки, селян, страдавших из-за развала поспешно созданных коллективных хозяйств, и интеллигенции, что напугало власть и подвигло ее к репрессивным кампаниям. Ускоренные социалистические преобразования экономики к 1957 г. вселили уверенность в возможность ее «квантового прыжка», окончившегося крахом, в результате чего Мао Цзэдун «даже не задумывался больше об ускорении экономического развития, полностью посвятив себя вместо этого масштабной операции, направленной на ликвидацию политических последствий катастрофы» (с. 475—476). Пиком этой операции стала «культурная революция» — «поразительно масштабный мятеж против партийного государства», которое только посредством хаотического политического лавирования было спасено от уничтожения (с. 477).

Параграф «Траектория развития Китая при Мао» (с. 480—488) — апофеоз критики «советской модели» экономики вместе с ее маоистской адаптацией. Экономический фетиш Мао Цзэдуна — тяжелая промышленность, на которую уходило более 80 % госинвестиций — ядром повисла на народном хозяйстве; «расточительная промышленная система в самом буквальном смысле пожирала ресурсы» (с. 487). Лишь в начале 1970-х годов отмечаются «уровни многофакторной производительности, которые обычно ассоциируются с ускоренным и стабильным экономическим ростом» (с. 486). Однако вскоре показатели по Кобб-Дугласу начали снижаться, что продолжалось, за исключением 1975 г. (зампремьерство Дэн Сяопина), до кончины Мао Цзэдуна (с. 486—487). В 70-е годы уменьшились поставки зерна в города. По темпам экономического развития с 1956 по 1976 г. Китай превосходил Индию, но находился позади СССР и других «ревизионистских» соцстран, далеко отставая от сопредельных восточно-азиатских экономик (с. 488). По уровню ВВП на душу населения (163 долл.) Китай в 1976 г. едва догнал тогда еще очень бедную Индию (164 долл.), из азиатских стран опередив лишь мировой символ нищеты Бангладеш (140 долл.) (с. 487). Сугубую полезительность рыночных реформ автор демонстрирует ростом того же показателя к 1990 г. (314 долл.) и далее до 2010 г. (4433 долл.) (с. 488).

Следующий параграф — «Доходы и качество жизни» (с. 488—495) — обнажает социальные провалы Мао. Советскую модель, худо-бедно позволившую СССР «добиться устойчивого и динамичного роста», китайский лидер превратил «в несбалансированный инструмент, генерировавший в условиях низкого уровня промышленного развития стагнацию» (с. 488). Доходы в промышленном секторе оставались замороженными с 1963 г., премии за продуктивность с 1966 г. были запрещены (с. 490). Падение размера оплаты труда горожан началось с национализации промышленности в 1956 г. и постепенно шло в течение двух последующих десятилетий, продемонстрировав резкий спад только во время «большого скачка» (с. 491). Нехватка потребительских товаров спровоцировала формирование «городской культуры постоянного обмена взаимовыгодными одолжениями» (прототипа нынешних «связей» — гуаньси), «агрессивности» которой поразились приезжие (с. 492). В 1953 г. на жилье приходилось 12,5 % общенациональных расходов на капитальное строительство; за десять лет после 1966 г. — от 2,6 до 6,5 %. Шокирующие для любого американца подробности быта китайцев в эпоху Мао — общие уборные на этаже, во дворах либо даже на улице, коллективные умывальники, коммунальные кухни с печами на угольных брикетах, один телефон в домике на всех жителей и прочие (с. 493) — должны гарантированно убедить читателя в преимуществах рыночной экономики.

«Равенство и неравенство» (с. 495—498) — хороший заголовок для параграфа, призванного разочаровать энтузиастов эгалитаризма, верящих в достижения Мао на ниве борьбы с социальной дискриминацией. Самыми эгалитарными экономиками мира в 1970-е годы были, оказывается, промышленно развитые страны. Они имели индекс Джини 0,20 или 0,21, тогда как Китай в 1979 г. — 0,33, показав себя более «социально сбалансированным» государством, чем США и Япония, с более справедливым распределением доходов, чем Канада и Западная Германия, но вполне сопоставимым по «несправедливости» с Великобританией (с. 495—496). При этом уровень распределения доходов среди горожан демонстрировал в 1981 г. поразительные 0,16. Подобные показатели в других азиатских экономиках были в разы выше, что объяснялось миграцией безземельных сельчан в городские трущобы (с. 497); этого не было в Китае, где система регистрации «удерживала нищету» на периферии (с. 498). Общим индексом 0,33 КНР была обязана разрыву в доходах между городскими и сельскими, а также между относительно благополучными и беднейшими аграрными районами.

«Бедность в сельских районах» — тема отдельного параграфа, короткого, но принципиального для авторской критики маоизма (с. 498—500). К 1976 г. пятая часть сельчан потребляла меньше 499 калорий, которые предполагал обозначенный правительством нижний предел жизнеобеспечения; он, в свою очередь, был ниже международных стандартов. По этому КНР опережал Бангладеш и совсем немного — вегетарианскую Индию, но отставал от Пакистана и Индонезии (с. 498—499). В 1978 г. 30 % деревенского населения — 237 млн человек — не дотягивали до официально установленного в Китае уровня нищеты, тоже заниженного (с. 499). Отказ от социалистических форм хозяйствования и здесь исправил ситуацию.

Либеральный гуманистический пафос автора достигает пика в параграфе «Маоизм ценой человеческих жизней» (с. 500—501). Потери от голода в результа-

те «большого скачка» он оценивает по максимуму — в 30 млн человек. Для сравнения приводятся потери в период войны 1937—1945 гг.: тогда погибло до 12 млн, из них 2 млн на поле боя и около четырех — от голода 1943 г. в пров. Хэнань. «Очевидную аналогию» с продовольственной катастрофой, вызванной «скачком», Э. Уолдер находит в событиях 1932—1933 гг. в СССР, когда из-за форсированной коллективизации на территории нынешних России, Украины и Казахстана умерли от 5,7 до 8,5 млн человек — доля погибших в населении страны сопоставима с потерями Китая на рубеже 1960-х. В 50-е годы в КНР погибли до 2 млн человек, в 1966—1971 гг. от 1,1 до 1,6 млн. В последнем случае три четверти смертей пришлось на первые месяцы 1968 г., по меньшей мере 600 тыс. — на кампанию по зачистке классовых рядов (проводившуюся следственными группами с преобладанием военных) (с. 501). Число погибших в результате «культурной революции» сопоставимо по масштабам с количеством жертв «Большого террора» 1937—1938 гг. в СССР, унесшего, по Э. Уолдеру, жизни от 800 тыс. до 1,2 млн человек (российские историки полагают, что 800 тыс. были расстреляны за весь условный «сталинский период» 1935—1953 гг.).

«Пределы маоизма» (с. 502—511) — не только заглавие параграфа, но и концептуальная формула, отражающая критическое отношение автора к идеям Мао Цзэдуна. Отвергая его право считаться оригинальным мыслителем, Э. Уолдер утверждает, что ментальность Мао воспроизводит сталинистский подход к истории партийных движений, в котором китайский лидер нашел отражение собственных представлений о классовой борьбе и строительстве социализма. Эти доктрины наложились на ранние воззрения Мао, который в 1920-х годах с удовольствием рассуждал о существенной роли насилия и борьбы в реализации революционных общественных сдвигов и необходимости единой вооруженной партийной структуры, которая повела бы за собой народные массы (с. 503).

Основные постулаты Мао автор сводит к следующим тезисам: 1) насильственный конфликт — единственное средство достижения социальных перемен и освобождения угнетенных (с. 504); 2) при социализме классовая борьба сохраняется, обостряясь по мере приближения к конечной цели (поэтому отказавшиеся следовать этой догме советские руководители — «каппутисты-ревизионисты») (с. 505); 3) единственный способ осуществления революции и построения социализма состоит в создании иерархически организованной компартии, построенной на основе строгой дисциплины и единомыслия, веры в правильность избранного пути и непогрешимость партийного руководства (с. 506); 4) самая чистая форма социализма та, что была создана в СССР в 1930-е годы на основе отказа от частного предпринимательства, рыночных механизмов и стимулов к повышению доходности; она должна формироваться в ускоренном режиме путем проведения революции сверху (с. 507).

Мао Цзэдун отверг рекомендации «позднего» Сталина подходить к построению социализма более осторожно, отказался от пересмотра роли политической мобилизации в ускорении темпов экономического роста, недооценивал роль современных наук, технологий, высококвалифицированных специалистов и профессиональных управленцев. Председатель не принимал идею использования адаптированных механизмов ценообразования, конкуренции и доходности, видя

в этом опасность капиталистического перерождения; отвергал стратегию постепенности социалистической трансформации, стабильного и сбалансированного развития, пытался не допустить «чрезмерного» порицания Сталина (с. 507). Его обвинения в адрес советского руководства строились на предельно широком толковании «буржуазности» (вообще характерном для китайских коммунистов его поколения), в свете которого ничего не значит тот факт, что в «ревизионистском» СССР «не существовало ни одной из определяющих черт капитализма: ни частной собственности на средства производства, ни рыночной конкуренции между компаниями, ни ценовых механизмов, которыми можно было бы регулировать спрос и предложение» (с. 510).

Он был в самом деле обеспокоен тенденцией к возникновению «бессменных бюрократических элит», но не понимал, что «все проблемы, против которых он боролся... происходили из передачи всех средств производства в руки государственной бюрократической машины, в которой доминировали назначенцы единой партии, склонной к диктаторскому стилю правления» (с. 509). Считаясь врагом бюрократии, Мао на деле «всего лишь отдавал предпочтение конкретной форме бюрократизма... как только монополия и привилегии приводили партию к формированию стабильной и подавляющей все и вся иерархии, Мао приходило в голову только одно: разрушить машину до основания и начать создавать ее сначала...» (с. 510). Э. Уолдер ставит ему в вину и насаждение «разрушительного в своей чрезмерности конформизма», когда партийные кадры, чтобы не подвергнуться репрессиям, лгали о достижениях и потом отнимали зерно у голодающих крестьян или с энтузиазмом выискивали врагов, дабы избежать обвинений в попустительстве. «По сути... Китай должен был опасаться не восстановления капитализма, а цепкости бюрократической иерархии...» (с. 511).

В параграфе «Новый путь» (с. 511—513) описывается переход Китая к политике реформ и открытости. Преемники Мао, фактически получившие возможность начать с чистого листа, как полагает автор, опираясь на пример вполне себе тоталитарных и однопартийных режимов целого ряда стран Азии пришли к выводу о том, что «развитие Китая можно было значительно ускорить за счет использования рыночных механизмов и открытия дверей окружающему миру, не отказываясь от диктатуры КПК» (с. 513).

Если исходить из тематики и целевой аудитории, то ближайшими российскими параллелями монографии Э. Уолдера следует признать книги А.В. Панцова, В.Н. Усова, до некоторой степени — Ю.М. Галеновича, а также т. VIII «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» (основной автор В.Н. Усов)¹. Но указанные публикации, помимо особенностей стиля и подхода к

¹ Панцов А. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. (ЖЗЛ: сер. биогр.; вып. 1051); Он же. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. (ЖЗЛ: сер. биогр.; вып. 1428); Он же. Мао Цзэдун. Путь к власти. М.: Вече, 2022; Он же. Мао Цзэдун. Великий кормчий. М.: Вече, 2022; Усов В.Н. История КНР. В 2 т. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006; Галенович Ю.М. Великий Мао: «Гений и злодейство». М.: Яуза, Эксмо, 2012; История Китая с древнейших времен до начала XXI: В 10 т. Т. VIII. Китайская Народная Республика (1949—1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. М.: Наука, 2017. С. 19—538; Галенович Ю.М. Великий Мао: «Гений и злодейство». М.: Яуза, Эксмо, 2012.

материалу, отличаются существенной общей чертой — это работы историков, для которых зафиксированный источниками факт самоценен.

У А.В. Панцова состоящий из таких фактов фон служит полем действия его героев — Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Чан Кайши, представляет цепь обстоятельств, формирующих личности политических деятелей и позволяющих им проявить себя. Биографические детали и подробности событий встраиваются в повествование как элементы, объясняющие не только логику поступков и решений героев, но и их место внутри исторического процесса — текучей политической, идеологической и социальной реальности. В учебнике В.Н. Усова «История КНР», как и в написанных им частях т. VIII «Истории Китая...» (две трети текста книги), бал правят события (съезд, пленум, совещание и проч.) и ограниченные хронологическими рамками процессы (война, кампания, движение и т. п.), обозначенные в заглавиях глав и параграфов. Это тоже отражает «гештальт» историка.

У социолога Э. Уолдера на первый план выходит некий обобщенный политико-социально-экономический процесс, сведенный в основном к формированию и функционированию тех институциональных факторов развития социума и государства, которые представляются ему главными. Это прежде всего партия, создающая механизмы контроля за обществом, в том числе формируя новые его институты как инструменты своего влияния, и экономический строй. Исторический процесс показан как концентрированное фактуальное выражение доктринальных убеждений и тактических решений Мао Цзэдуна. На изображенный без детализации, но сохраняющий основные пропорции исторический «костяк» накладываются обобщенные описания и характеристики новых институций, по ходу дела заменяемых на еще более новые. На выходе получается своего рода «популярный анатомический атлас» политических и социальных процессов, демонстрируемых в динамике. Помимо полноценного библиографического аппарата книга снабжена таблицами и диаграммами, которые иллюстрируют главным образом экономические, социально-экономические и демографические аспекты общественного процесса и его динамику (например, влияние политических событий на показатели экономики, уровня жизни, смертности и т. п.).

Но, вопреки декларируемому институциональному акценту, автор очень поверхностно освещает устройство и характер функционирования «народных коммун», все больше сосредоточиваясь на негативных экономических и социальных последствиях экономических и организационных экспериментов. В его лексиконе не находит отклика термины «новая генеральная линия» и «три красных знамени» — главные понятийные маркеры «постсталинистского» курса КПК для российских китаеведов. Между делом упоминается ревнивое соперничество Мао Цзэдуна и его соратников с хрущевским СССР, ставшее одной из доминант конвенционального политического сознания для КПК эпохи Мао. Подчеркивается только его негатив в сторону «ревизионистских» инициатив Хрущева и дурной пример, который тот подал китайским товарищам лозунгами «догнать и перегнать», а также намерением ускоренными темпами прийти к коммунизму. Создается впечатление, что для автора важна именно идея пагубности коммунистических установок вообще, ассоциируемых со сталинским наследием.

Говоря о маоизме, автор избегает рассуждений по поводу дифференциации коммунистических убеждений и их идеологических экспликаций, что здесь могло бы оказаться вполне к месту. Может быть, он делает это намеренно. Такого рода интерес способен в поисках корней идеологии Мао Цзэдуна привести не к И.В. Сталину, а к его непримиримому оппоненту Л.Д. Троцкому. Тот с удовольствием рассуждал по поводу необходимости «заставить все рабочее население переживать бедствия и искать из них выход не индивидуально, а коллективно», для этого «уничтожив семейные очаги, домашнюю кухню, переводя все на общественное питание», о немислимости «социализации такого рода... без милитаризации» и настоятельной потребности в «культе физического труда»¹. А.В. Панцов в своей книге справедливо ставит эти высказывания в параллель идеям Мао Цзэдуна².

В этой связи надо отметить сложность проблемы обобщающих идеологических дефиниций вообще, и не только применительно к Китаю. А.В. Лукин предлагает различие трех типов государственных коммунистических режимов по идеологическому признаку, помимо «левых» и «правых» выделяя «бюрократические», под которыми понимает те, что опираются «не на сознательную массу или рыночные стимулы, но на партийно-бюрократический аппарат»³. Режим, существовавший при Мао Цзэдуна, определяется им как «левый», тогда как «бюрократический» сформировался в СССР «от Сталина до Черненко», в большинстве других соцстран и строится в Китае при Си Цзиньпине⁴. Не вдаваясь в детали аргументации за и против этой типологизирующей модели, отметим, что Э. Уолдера она может и не убедить. Для него «принудительная массовая мобилизация силами *бюрократического аппарата*» (курсив мой. — А.Ю.) (с. 261), сформировавшегося в условиях тоталитарной власти, была главным инструментом уже «большого скачка», когда «массовый энтузиазм» обеспечивался в том числе качественно организованным изъятием у крестьян зерна, вплоть до посевного, посредством применения эффективного насилия, в которое вовлекались местные кадры: не избивал ты — избивали тебя, а то и судили как саботажника (с. 255). Соответствующий параграф у него называется «Цикл бюрократического насилия» (с. 247—252). Автор отмечает, что в период создания коммун число администраторов на селе увеличилось многократно: если прежде на несколько деревень приходился один, то теперь коммуны содержали в каждой деревне минимум пятерых (с. 246—247). Впоследствии в тот же бюрократический аппарат, но иначе устроенный на новом витке «революции», пусть даже временно отделенный от стандартных парторганов, вливались вожаки местных хунвейбинов и цзаофаней, руководители и члены бесчисленных рабочих и следственных групп. Они начинали профессионально кормиться за счет мобилизации масс на революционные свершения, выполнения функций организаторов погромов, искателей крамолы,

¹ Цит. по: Панцов В.А. Мао Цзэдун. С. 617.

² Там же.

³ Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 72.

⁴ Там же. С. 73, 78.

надсмотрщиков и «перевоспитателей». Чтобы стать частью бюрократии (системы управления), не всегда обязательно становиться обладателем персонального письменного стола, а для бюрократизации системы не так уж нужны компетентные администраторы — достаточно увеличить число управленцев, понизить долю технократов среди них и повысить степень зависимости населения от руководящих структур.

Монографии пошло бы на пользу уточнение хронологических контуров ее содержания. Лапидарные эмоциональные заголовки («Надломленное восстание», «Коллапс и разлад» и т. п.) ничего не скажут читателю, впервые взявшему ее в руки, чтобы узнать о конкретном периоде или эпизоде. Вряд ли здесь сразу поможет и не самый удобный предметно-именной указатель. Зато эта книга — полезный источник логичных объяснительных моделей, мнемонических и структурирующих схем, подсказок для хронологической организации исторического материала. Примером является возможность подробной периодизации 10-летней эпохи «культурной революции». У Э. Уолдера ее этапов, хотя и специально не артикулированных, но легко «вычитываемых» из текста гл. 14 (с. 476—480) и связанных цепочкой политических причин и следствий, можно насчитать девять. Их легко встроить в более общие модели (например, трехступенчатую у В.Н. Усова). Такая периодизация могла бы несколько облегчить жизнь преподавателям, читающим курс новейшей истории Китая.

В книге встречаются непривычные для российской историографии формулировки. Так, у нас не принято терминологически выделять период активизации левых в Китае в конце 1973 — 1974 г. («вторая культурная революция», «второй захват власти» у Э. Уолдера). Странно выглядит нежелание автора, настаивающего на преемственности основных установок Мао Цзэдуна от «раннего» Сталина, признать за китайским лидером концептуальную самостоятельность. Идейную «самостийность» Мао — «крестьянского националиста» уже в 1940 — начале 1950-х годов отмечали западные исследователи¹. Достаточно вспомнить, что учение о «новой демократии», под лозунгами которой КПК пришла к власти, он сам создал на основании слабо систематизированных наметок коминтерновских теоретиков, тонко уловив исходившую из Москвы тенденцию и существенно опередив всех в создании развернутой концепции того феномена, который впоследствии стал называться «народной демократией». Другое дело, что он отказался от этой концепции строительства социализма сразу после смерти Сталина. Последний и сам конвертировал ленинские постулаты в то, что соответствовало нуждам момента и его собственным. Теоретические адаптации Мао Цзэдуна не сводились к копированию, а учитывали ожидания широких социальных слоев и ментальность соратников.

В определенной степени ангажированные идеологически, построения Э. Уолдера помогают понять самые общие принципы, которыми руководствовался Мао Цзэдун при принятии решений, и отдельные важные закономерности их воплощения в политические и общественные процессы. За пределами его интереса остались факторы, определявшие восприятие лидерами КПК марксист-

¹ См.: Панцов А.В. Мао Цзэдун. С. 8, 752.

ской теории, глубинные, а не только декларированные причины утраты веры Мао Цзэдуном и его соратниками в советские версии развития, отношения внутри соперничавших групп и много других тем и проблем. Обращение к ним необходимо для прояснения конкретных параметров мотиваций и ценностей, меняющихся в Китае от поколения к поколению. Без этого объемное видение эпохальных процессов останется невозможным.

Библиографический список

- Галенович Ю.М. Великий Мао: «Гений и злодейство». М.: Яуза; Эксмо, 2012. 784 с.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. VIII. Китайская Народная Республика (1949—1976) / отв. ред. Ю.М. Галенович. М.: Наука, 2017. 822 с.
- Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 63—84.
- Панцов А. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007 (ЖЗЛ: сер. биогр.; вып. 1051). 867 с.
- Панцов А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013 (ЖЗЛ: сер. биогр.; вып. 1428). 558 с.
- Панцов А.В. Мао Цзэдун. Путь к власти. М.: Вече, 2022. 528 с.
- Панцов А.В. Мао Цзэдун. Великий кормчий. М.: Вече, 2022. 544 с.
- Усов В.Н. История КНР. В 2 т. М.: АСТ: Восток—Запад, 2006.

References

- Galenovich, Yu.M. Velikij Mao: “Genij i zlodeistvo” [The Great Mao: “Genius and Villainy”]. M.: Jauza, Exmo, 2012. 784 s.
- Istoria Kitaja s drevnejshihh vremen do nachala XXI veka: V 10 t. T. VIII. Kitayskaja Narodnaja Respublika (1949—1976) / otv. red. Yu.M. Galenovich [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century: in 10 vols. Vol. VIII. The People’s Republic of China (1949—1976) / ed. by Yu.M. Galenovich]. M.: Nauka, 2017. 822 s.
- Pantsov, A.V. Mao Tsedun [Mao Zedong]. M.: Molodaja gvardija, 2007. (ZhZL: ser. biogr.; vyp. 1051). 867 s.
- Pantsov, A.V. Den Xiaopin [Deng Xiaoping]. M.: Molodaja gvardija, 2013. (ZhZL: ser. biogr.; vyp. 1428). 558 s.
- Pantsov, A.V. Mao Tsedun. Put’ k vlasti [Mao Zedong. The Road to Power]. M.: Veche, 2022. 528 s.
- Pantsov, A.V. Mao Tsedun. Velikij kormchij [Mao Zedong. The Great Helmsman]. M.: Veche, 2022. 544 s.
- Usov, V.N. Istoria KNR. V 2 t. [The History of PRC: in 2 vols.]. M.: AST: Vostok — Zapad, 2006.
- Pantsov, Alexander V. with Levine Steven I. Mao (2012). The Real Story. New York; London; Toronto; Sydney; New Delhi: Simon & Schuster Paperbacks, 2012. 775 p.

Уважаемые читатели!

**Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции:
journal@iccaras.ru**